

М. А. АНДРЮНИНА
(Москва)

МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ — «ХОРОШИЕ» И «ПЛОХИЕ» (по материалам Полесского архива)

Аннотация. Статья рассматривает различия между двумя аксиологически противоположными группами умерших и традиционными местами их погребения: «чистых» умерших хоронили на кладбище или иногда в усадьбе; «нечистые», потенциально опасные покойники традиционно погребались в природном пространстве или на границах кладбищ.

Ключевые слова: похороны, кладбище, душа, хороший, плохой.

Статья посвящена аксиологии странства в народной культуре, а именно оценочной характеристике локативных элементов в погребальном обряде при захоронении различных групп умерших. Для исследования избираются места захоронения умерших, осмысляемых в народной культуре как «чистые» и «нечистые». Целью работы является выявление соответствий между «положительными» и «отрицательными» локусами и разными группами покойников, для захоронения которых выбраны те или иные места.

Основой для анализа послужил материал Полесского архива [ПА]; диалектные записи приводятся в том виде, в котором они хранятся в архиве. В некоторых случаях для сравнения привлекаются данные из других регионов — Белоруссии, Смоленщины, Заонежья, Русского Севера.

В традиционной культуре существует деление умерших на особые группы, которые впоследствии получают положительную или отрицательную оценку. Покойники могли быть «правильными», «чистыми» — те, которые «изжили свой век», умерли своей смертью, были похоронены в соответствии с существующими обрядовыми нормами и получили успокоение в потустороннем мире, перешли в разряд почитаемых

«предков». Умершие преждевременной, внезапной, насильственной смертью считались «нечистыми», «заложными» (по терминологии Д. К. Зеленина [Зеленин 1994]).

Говоря о «нечистых» покойниках, нужно отметить, что границы данной категории умерших не являются устойчивыми; преимущественно туда относят самоубийц (особенно висельников), утопленников; больших грешников, людей, знавшихся при жизни с нечистой силой, — колдунов и ведьм; опойц, некрещеных детей и женщин, умерших от родов; инородцев и иноверцев, убитых, а также всех умерших преждевременной, насильственной смертью, лишенных христианского оплакивания и погребения или похороненных с сокращением обычного для всех обряда. Важно отметить, что отношение ко многим «нечистым» покойникам очень часто бывает в народе двойственным, оценка может колебаться от представления об их святости, «спасенности» и оправданности у Бога до прямого отождествления с представителями нечистой силы. Например, умершие до крещения дети могли восприниматься как невинные и чистые, что связано с их короткой жизнью, за которую они еще не успели совершить грехов. «Вона́ ше гриха́ нэ ма́е, вона́, ка́жуть, а́нгэл» (волын.) [Кабакова 1994, 312]; их также называли «безгрéшные» [АА], «ангелко» (бел., мин.) [ПМА]. С другой стороны, представления о неизжитом веке умершего младенца, о неосвященности его души христианским обрядом крещения переводили их души в разряд потенциально опасных умерших, не могущих уйти на «тот свет», задерживающихся в пространстве мира живых. «Кали нэ-крэщóный, так не закóнной смертью ўмер» (гомел.) [Кабакова 1994, 312]; «Кáжэ ляка́е, бо там дэ́ти некрэщчэ́ны» (Зап. от Александры Андреевны Бриж, 1916 г. р. с. Копачи, Чернобыльский р-н, Киевская обл. Соб. Е. Е. Рутковская. 1985 г.) [ПА].

Подобная амбивалентность, вообще характерная для представлений о «святости» в традиционной культуре, относится к народному восприятию и других умерших, например убитых громом и пр. Убитые молнией люди приобретали в народном сознании либо

черты великих грешников («*Кажуть, Бог покара́л яго*» (Зап. от Прасковьи Архиповны Круковской, 1907 г. р. и Марты Юльевны Рудько, 1923 г. р.; с. Замошье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. Ж. В. Куганова) [ПА], либо прощенных Богом, почти святых людей: «*Человек считался спасённый, если его громом убило*» (Зап. от Матрены Николаевны Селюк, 1919 г. р., с. Курчица, Новоград-Волынский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1981 г.) [ПА]; «*Гру́м убьё чэлове́ка, то свято́й чэлове́к. И то, што на войне́ убьё, то́жэ е́му проща́е госпа́д*» (Зап. от Текли Васильевны Бугук, 1907 г. р., с. Замошье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. Е. М. Назарова) [ПА].

За «чистыми» и «нечистыми» покойниками закреплены в народе различные места погребения, противопоставленные друг другу и формально разделяемые на сферу домашнего, кладбище и сферу природного пространства.

Дом. Традиционно дом и близкое к дому пространство (подворье, двор, иногда все село) получают в культуре высшее положительное значение сакрального, «своего», благополучного, безопасного места. В некоторых полесских областях «нечистые» покойники даже не вносились в дом на протяжении всего периода, предшествовавшего их захоронению: «*Як чыловэ́ка убьё гром, то ужэ не неслі ў хату. Як по́вісяца, то то́жэ ў хату не бэру́т, грэм — то́жэ на двора́ кладу́т там, под хато́ю або де дрова́ скла́дываю́т. <...> И утопи́ўса де <тоже так ночует во дворе>*» (Зап. от Ульяны Андреевны Жук, 1910 г. р., с. Чудель, Сарненский р-н, Ровенская обл. Соб. Е. В. Какорина. 1984 г.) [ПА].

Территория усадьбы наиболее часто избиралась для похорон некрещеных детей, и в этом проявляется их положительная оценка в традиционной культуре. «*Рябе́нка хароню́ть, сорок дней служу́ть. Гава́рять: “Ангил ужэ на не́би, паляте́л”. Никра́йше́ных дятéй на паго́сьти ни хароню́т. У хати́ я́мачку пад святы́ми вьру́ють, та́м харо́ню́ть*» (с. Доброводье, Севский р-н, Брянская обл. 1984 г.) [ПА]. В домашнем пространстве для похорон детей избираются места под иконами (под *святым*, *124 красным углом*), под печью, в подызби-

це, в сенях, под порогом, под фундаментом дома, под окном, во дворе, в саду (часто под плодовым деревом — яблоней, грушей, вишней, калиной или акацией), в огороде, в клуне, под сараем, на гумне. «*Найбольше хова́лы пэ́рэд поро́гом, шоп пэ́рэкры́шчы́влы их*» (Зап. от Ганны Кондратьевны Череды, 1905 г. р., с. Олбин, Козелецкий р-н., Черниговская обл. Соб. А. М. Гамбарова. 1985 г.) [ПА]; «*ў горба́ди, шоп хо́дзі́лі ўсе́ и нога́ми хресты́лы йих*» (Зап. от Ольги Никитичны Кондрат, 1912 г. р., с. Олбин, Козелецкий р-н, Черниговская обл. Соб. А. М. Гамбарова. 1985 г.) [ПА]; «*хова́лы под дэ́рэвцем, ў сади́ке, шоп не хо́ды́ли там*» (Зап. от Евгении Никитичны Бондаренко, 1926 г. р., там же, соб. А. М. Гамбарова. 1985 г.) [ПА]. По наблюдениям Г. И. Кабаковой [Кабакова 1994, 313], в Полесье обычай захоронения детей на территории усадьбы занимает восточную часть региона — Сумскую, Черниговскую, Брянскую обл., восточные районы Гомельской и далее распространяется на юго-восток — на Курскую и Орловскую обл. В Белоруссии младенцев хоронили в углу сада, огорода или на гумне [ППГ, 104]; в Подольской обл. — в жилой части хаты у порога вхожих дверей [Байбури́н 1983, 138]. Похороны детей под домом, в подполье, в подызбице и под завалиной известны у русских Заонежья [Логинов 1993, 169] и у заволжских старообрядцев [Байбури́н 1983, 168].

Хотя в пространстве дома и усадьбы хоронят практически исключительно детей, и это не является сейчас достаточно распространенным явлением, погребение мертвых в жилище все же сохраняется в некоторых областях славянского мира. Погребению на территории усадьбы умерших родственников посвящена статья С. М. и М. Н. Толстых «Погребения в саду у “горюнов” Сумской области» [Толстые 2003, 10—13], в которой рассматривается материал из с. Линово Путивльского р-на, где вплоть до недавнего времени сохранялся обычай хоронить умерших родственников в саду (иногда — во дворе или огороде), причем не только некрещеных младенцев, но и детей 6—7-летнего возраста, а также взрослых членов семьи или стариков (в ситуации, если они завеща-

ли такой способ захоронения). Существует мнение, что похороны в домах у восточных славян в отдаленном прошлом могли быть чрезвычайно распространенным явлением [Логинов 1993, 170—171]; данное предположение подтверждается также рядом свидетельств: «Давным-давно старых ховали в садку на городі, а дітей перед крильцем дома. Богато було таких, що у себя ховали <...>» (сум.) [Кабакова 1994, 313].

Однако домашнее пространство в народной культуре не мыслилось как ценностно однородное. По сравнению с безусловно святым красным углом дома и самим домом территория двора характеризовалась уже понижением сакральности; также выделялись и периферийные, пограничные локусы, наделяющиеся иногда негативным значением. В некоторых случаях ряд мест в усадьбе противопоставлялся кладбищу по признаку «неосвященное — освященное». Зафиксированы редкие свидетельства о похоронах «заложных» покойников в усадьбе, так как в сакральное пространство кладбища не должно было допускаться «нечистое»: «<Висельников и утопленников хоронили> пуд сараєм, пуд хлевом. Где хочеш, ў дворі, тільки на могилки не допускали» (Зап. от Марии Никитичны Туровец, с. Копачи, Чернобыльский р-н., Киевская обл. Соб. Е. М. Назарова. 1985 г.) [ПА].

Кладбище. Другим местом захоронения рассматриваемой здесь группы покойников было кладбище. В народной культуре кладбище воспринималось как особая территория, противопоставленная и дому, и природному пространству. С одной стороны, это святая земля, предназначенная для вечного упокоения христиан; место, освященное атрибутами религии — церковью и крестами. С другой стороны, это зона смерти, нечистое место, вредоносное для живых и избегаемое ими.

Как и сфера домашнего пространства, территория кладбища не является ценностно однородной. Самыми достойными и почетными местами погребений считались участки возле церкви (если она имелась) или места, расположенные рядом с родовыми захоронениями предков. Периферия кладбища была гораздо менее ценной

и могла использоваться для погребения «нечистых» покойников, которых часто хоронили с усечением или отсутствием христианского обряда. Обычно для «заложных» покойников отводились места возле ограды кладбища (с внешней и внутренней стороны), возле рва или во рву; иногда — левая сторона и левый угол погоста, восточная сторона, западный угол: «с краю, вóзле канáўки, в канáве, на канáўках, ў рву, на о́копах, в рові чи на ровáх, под забóром, позбóку плóту, за плóтом, кала дýлю <забора>, ў раўчукáх; ў пригорóдке, пóнад самóго агрáдоу, вóзле оgoróды, понад бóком, ў бачкú, на бакú, у сторонé, ў угалкú, ў кутóчку; як сóнце всхóде, так тудí; ў куткú шо на зáход сáнца, за загрóдоў, на вы́сьпе, на валú клáдбишча» [ПА].

Вопрос о допущении «заложного» покойника на кладбище и выбор более или менее достойного места захоронения для него часто решался в народе с учетом представлений о степени греховности умершего. Самыми «чистыми» могли считаться дети: «няхрышчаных дзяцей хавалі на могíлках разам з усíмі, бо яны, у адрозненне ад самазабойцаў, ні ў чым не вíнаватыя, ніякога грэха не ўчынілі» [Гавораць чарнобыльцы 1994, 210]; «они безгрéшные, их хоронíли на клáдбище» (с. Тихманьга, Каргопольский р-н., Архангельская обл. Соб. Е. Е. Левкиевская, А. Б. Мороз. 1994 г.) [АА]. То же касалось и людей, убитых громом: «Што гром убьé — на мóглицах хорóнят, то хорóший человек, то прáведный человек» (с. Замошье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. Ж. В. Куганова) [ПА]. Снисходительно могли относиться к опойцам, колдунам и утопленникам: для их похорон часто избирались места на кладбище, так как не всегда было возможно однозначно решить вопрос, сам ли утопился человек, был ли он колдуном, является ли его смерть случайной или самоубийством.

Места на дальней периферии кладбища наиболее часто закреплялись за самоубийцами, которые считались в народе большими грешниками: «Вíшанне шчытáлы вэ́лькім грэхом. И вíшальныкей шчытáлы большы́мы грéшниками. Потóму íх хоронíли в ровú вóзле клáдбишча» (Зап. от Ольги Павловны Сенкевич, 1921 г. р., с. Онисковичи, 125

Кобринский р-н., Брестская обл. Соб. С. Войнило. 1985 г.) [ПА]; «А вот удавленника раньше на погосте не хоронили, там, где всех, а где-нибудь в уголочке. <...> Это называется — чёрт ўзял. Это уже он против своей воли, это самая страшная смерть» [Смоленский сборник 2003, 78].

Поскольку погост все же считался сакральным местом, где покоятся честные христиане и куда старались не допускать «нечистых» покойников, случаи их захоронения там часто расценивались информантами как нарушение норм, вырождение традиции. «Расказвали, што рáньшэ их, потóпле-никоў и вiсельнікоў (это ужэ сáми себе́ смерть налáжывае) не хováли со ўсiми на клáдбишчэ» (Зап. от Анны Васильевны Шкробот, 1920 г. р., с. Замошье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл.) [ПА]. Встречаются представления о том, что захороненных вопреки традиции на кладбище «заложных» покойников не принимают на «том свете», а на погосте они причиняют беспокойство всем остальным умершим: «Харóнят ў кúчу, на мóгилках, а нáдо отдéльно: некрэ-шчóных дeтeй и вéшалiнiкoў. Никóгo не примáють <на небе>» (Зап. от Устины Ильиничны Брель, 1926 г. р., с. Золотуха, Калинковичский р-н, Гомельская обл. Соб. В. А. Багрянцева. 1983 г.) [ПА]; «Вéшалiнiкa за тoгó нэ хováют <на кладбище>, шо вон нэ даé мэртвым спокóю, бúдэ ходыт да бúдэ бушова́т там <т. е. на том свете>» (Зап. от Надежды Николаевны Дроботюк, 1918 г. р., с. Журба, Овручский р-н, Житомирская обл. Соб. А. В. Гура. 1981 г.) [ПА]. В Заонежье считали, что «нечистые» покойники на общем кладбище держатся обособленно, «живут своими компаниями» и не могут никогда встретиться с умершими естественной смертью [Логинов 1993, 166].

Нарушение обычая в отношении норм захоронения «заложных» покойников могло, кроме прочего, грозить бедами живым: засухой, ливнями, бурями, смертями и другими несчастьями. «Зáсуха бúде, як ужэ ўiсельнiкa со вéми поховáють» (Зап. от Натальи Марковны Шкробот, 1912 г. р., с. Замошье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. О. В. Санникова. 1983 г.) [ПА]; «тóпле-

ник да самоўбийца, шо утанiўсь, то не клáли на мóгилках — не бúде даждя» (с. Мошенка, Городнянский р-н, Черниговская обл. Соб. С. М. Толстая. 1980 г.) [ПА]; «Если вéшалiнiкa похоронить на кладбище, бúдут вешацца крэ́пко лóды. Если тóпленька похоронить на кладбище, топы́ца бúдут лóды» (Зап. от Матрены Николаевны Селюк, 1919 г. р., с. Курчица, Новоград-Волынский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1984 г.) [ПА].

Также распространены представления о том, что на могилах «нечистых» покойников «пугает»: «Шо уто́пицца, поста́влять крижэ́, да душэ пла́чэ, на тый крыж выла́зiць. <...> Оды́н уто́пiўса. <...> А о́н там брóбит, брахосты́ть на тых клáдбишчax <там, где похоронен утопленник>. Гдэ там мoгýла его. <...> Так на егó, на мóглицах брахóстeло. Прáмо от вода́ брóхае. Прáмо як вин брахостéл в гэтым óзeре, там сáмо и там» (Зап. от Ульяны Ивановны Ходневич, 1910 г. р., с. Нобель, Заречненский р-н, Ровенская обл. Соб. О. В. Санникова. 1980 г.) [ПА].

Природное пространство. Наиболее распространёнными и традиционными местами похорон «нечистых» умерших считались локусы природного пространства. К таковым относятся: леса, поля, дороги, перекрестки, границы (межи, лесные просеки, границы между угодьями соседних сел); никому не принадлежащие участки земли, «скотские» кладбища, возвышенности, болота, берега водоемов; хоронили также под деревьями, в местах произрастания определенных пород деревьев (осин, можжевельника), под выворотнями.

Чаще всего в природном пространстве погребали самоубийц и особенно — висельников и утопленников. «Вéшалiнiкoв заkáпываюць ў лес, далéко — на клáдбище не мóно бýло. Як везлi адногó ў лес, то лес трeщáл, ломiло, не мoгли увезтi» (Зап. от Петра Харитоновича Сукало, 1920 г. р., с. Боровое, Рокитновский р-н, Ровенская обл. Соб. Т. А. Коновалова. 1984 г.) [ПА]; «Тýх, шо сáмы вiшалыс'е, тых в лэсу хováлы на гранiце, на прóсэкэ. Бáчтэ: гранiць'а колхóза и колхóза» (с. Радеж, Малоритский р-н, Брестская обл. Соб. А. В. Тер-Аванесова. 1986 г.) [ПА]; «Вéшалiнiкoў от гдэ

дэрэво в'йтэр вывалит' в л'ис'е, тут и хорон'ат'» (с. Радеж, Малоритский р-н, Брестская обл. Соб. А. В. Тер-Аванесова. 1986 г.) [ПА]; *«У Макишыне одна баба навэсцалась, атвезли на пôle, на вóзу, атвезли и заховáли»* (с. Макишин, Городнянский р-н, Черниговская обл. Соб. Е. Л. Чеканова. 1980 г.) [ПА]; *«Того в'шэльніка ци топлэніка трэба на гору ховáти. А бáтюшка нэ йдэ того хорон'ити»* (Зап. от Агриппины Федоровны Денисюк, 1926 г. р., с. Шедрогор, Ратновский р-н, Волинская обл. Соб. М. А. Бобрик. 1985 г.) [ПА]. В Белоруссии самоубийц хоронили в болотистом месте или в лесу: возле дороги, на перекрестках или возвышенностях, которые затем расчищались, чтобы их было видно [ППГ, 141, 104]. В Витебской губернии на могилах самоубийц насыпали курганы, сажали осиновые деревья, на которые потом вешали убитых сов, жаб и змей — они считаются предметами чар ведьм, собирающихся на этих курганах и справляющих тризны по самоубийцам [ППГ, 104—105]; в полесском селе Малые Автюки повесившихся хоронили в осиннике (Калинковичский р-н, Гомельская обл.) [ПА]; в Заонежье — на возвышенном месте, поросшем можжевельником; там же самоубийц и утопленников погребали на ничейной, вымороченной земле; на «скотских кладбищах»; иногда гроб не закапывали в землю, а выбрасывали в глубокое болото, где обычно топили туши павшей скотины [Логинов 1993, 166].

Частую самоубийц погребали на месте их гибели, то же относилось и к убитым: *«А в'сильник так, ди пов'сц'ся, там náдо и закопáть»* (Зап. от Зинаиды Марковны Стельмах, 1900 г. р., с. Стодоличи, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. С. С. Бродский. 1984 г.) [ПА]; *«Громом убьё чéлавéк не харóняют, хавáют там, где убивáет»* (с. Малые Автюки, Калинковичский р-н, Гомельская обл. Соб. А. Г. Кравецкий. 1983 г.) [ПА]; *«Убили дэўку такú Гáнну, красивеньку, да на мéсте похоронили у леси, бáчили зáйцем, на могили»* (Зап. от Зинаиды Марковны Стельмах, 1900 г. р., с. Стодоличи, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. О. В. Санникова. 1984 г.) [ПА]. Повсеместно место самоубийства или смерти считалось «поганим»;

там ставили кресты в качестве оберегов (рус., обонеж., полес., белор.).

Как показывает проанализированный материал, чаще всего для похорон самоубийц (преимущественно висельников), а иногда убитых громом, утопленников и некрещеных детей избирались перекрестки (*«раз нэ хрышц'ены так на хресту náда харан'ыть»*) (Зап. от Анны Ильиничны Стеценко, 1922 г. р., с. Ковчин, Куликовский р-н, Черниговская обл. Соб. Е. Г. Маливанов. 1985 г.) [ПА], дороги, а также границы и межи. *«Котóры пов'сц'яса, то везúт тат' де мижúеца, на гран'ицы. То везúт на роздорóжье дорóги расхóдзяца»* (Зап. от Анисьи Григорьевны Примака, 1929 г. р., и Галины Ивановны Примака, 1929 г. р., с. Чудель, Сарненский р-н, Ровенская обл. Соб. А. В. Гура. 1984 г.) [ПА]; *«А утóплэника колис хоронили на роздорóжьэ. Топленника, вэшал'ника»* (с. Вышевичи, Радомышльский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1981 г.) [ПА]; *«Як гром убьё, на расхóдных дорóгах хорон'или»* (Зап. от Матрены Николаевны Селюк, 1919 г. р., с. Курчица, Новоград-Волинский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1984 г.) [ПА].

В народных мотивировках похорон висельников в названных местах выражается крайне негативное восприятие и данной группы покойников, и локуса, выбранного для их захоронения: *«но той граници чорт ходит, бо в'ешал'ника за-копуйут»* (полес.) [Конобродська 2007, 210], висельника хоронят *«на розходн'их дорóгах, бо там чорти водаца (полес.) [Там же]; «на хрэстóвой дорóз'и, шоп вэ в'идэлы и бойáлыс'е»* (с. Радеж, Малоритский р-н, Брестская обл. Соб. А. В. Тер-Аванесова. 1986 г.) [ПА]; *«На дорóзи — хто пов'сц'яса (в'сц'я-ник) <...> — за их молитвы нэма, јему чэсть, як змердящэму псу»* (с. Мошенка, Городнянский р-н, Черниговская обл. Соб. Т. Л. Ермолаева. 1980 г.) [ПА].

Висельники считались в народе самыми опасными из всех «зложных» покойников, практически причисляясь к нечистой силе. Нахождение вблизи их могил могло принести вред людям или скоту, они «пугают» прохожих: *«Вэшал'ника хорóняют на расхóдных дорóгах мéжду дорóбамы, на раздорóжьэ. Кургáничек пэску да й в'сэ. Чэловику тóвар*

пасу́ть, так чу́ють, як пла́чуть <покойники> <Когда едут лошадыми, то кони останавливаются (*кони не едут*) у этого места>» (с. Вознич, Овручский р-н, Житомирская обл. Соб. С. М. Толстая. 1981 г.) [ПА].

Широко распространен обычай бросать на могилы висельников любые поднятые с земли предметы: щепки, палки, пучки соломы: «*Висельников колись хоронили на раздорожжэ, а кто идэ мимо, кїдае ломаку* <и говорит>: “*Ось тэбе ломака и лэжи, як собака*”» (с. Вышевичи, Радомышльский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1981 г.) [ПА]; «*Вїшэлныка там хороня́ть, дэ вин повїсы́ця, а ёси вдба́ма, то вывбза́ть на крыжовїе дорб́ы. И накїдають палк* <на его могилу>. *И сожгу́ть и знбв кїдають*» (с. Олтуш, Малоритский р-н, Брестская обл. Соб. А. В. Гура. 1985 г.) [ПА]; «*От, ра́ньшай где поўёси́ця чэлой-эк, там и хороня́т. Кўчу галья накїдають, хто идэ, то галїну бярэ да шыба́е на яго*» (Зап. от Евы Нестеровны Стасенко, 1927 г. р., с. Стодоличи, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. О. В. Санникова. 1984 г.) [ПА].

Данное действие расценивалось самими информантами как оберег против опасного покойника и мотивировалось следующим образом: «*ен вишэ́льник, яму́ лэ́хче* <если бросить палку>» (Зап. от Марфы Степановны Поздняк, 1899 г. р., с. Жаховичи, Мозырский р-н, Гомельская обл. 1983 г.) [ПА]; если этого не сделать, душа «нечистого» покойника будет гнаться за прохожим (бел.) [ППГ, 141]. Бросание сопровождали следующие приговоры: «*На, тобі, вїшалнику, коня вороного!*» [Виноградова 2008, 18]. После таких слов, по сообщению информантов, «*він не зачіпае людини, а буде їздить на тїй бур’яніні, яку кинуто. А коли людина не кине нічого, то вїшалник сяде на людину й буде їздити всю ніч*» [Білій 1926, 98].

Согласно предположениям ряда исследователей, погребальный обряд, обслуживающий ситуацию похорон «заложных» покойников, сохранил в себе много архаических черт и в некотором смысле может считаться реликтом общего для всех покойников дохристианского погребального обряда [Логинов 1993, 170; Зеленин 1995, 125; Седак-

ва 1979]. Характерные для того периода локусы погребения умерших (леса, поля, перекрестки, холмы) после закрепления христианской идеологии какое-то время еще были в ходу, а позднее остались за «нечистыми» покойниками, в то время как остальные умершие хоронились на освященной церковью земле кладбища [Spiss 2002, 218; Нидерле 1956, 220—221].

Как показывает материал Полесского архива, в восточной зоне Полесья отмечалась высокая сохранность обычая погребать детей в домах и садах, иногда там же вспоминали о захоронении в домах и старых людей; при движении на запад все более проявлялась тенденция замены домашней сферы погребения для некрещеных детей на периферийные места кладбища. В западных областях Полесья (Брестская обл.) туда уже перенесено основное количество захоронений умерших данной категории. Более устойчивыми к новациям оказывались обычаи погребать в природном пространстве (чаще всего на перекрестках) висельников и других самоубийц, поскольку еще сохранялись представления об особой вредности, демонизированности этой группы умерших, а также осуждение их греховного ухода из жизни. Похороны «нечистых» покойников в природном пространстве дольше всего сохранялись в Черниговской, Гомельской, Житомирской обл. Полесья; в Житомирской и Гомельской обл. зафиксировано наибольшее количество ответов информантов о том, что совсем недавно места похорон «нечистых» покойников сменились с природных на кладбищенские, что воспринималось как грубое нарушение установленных норм и грозило селянам различными бедствиями.

Проведенное исследование позволяет также сделать следующие выводы: широкий спектр умерших, считающихся в народе «нечистыми», отнюдь не является однородным внутри — фиксируются устойчивые представления о том, что одни из них более вредные и наделяются демоническими чертами (висельники); другие менее опасны и их статус как самоубийц и продавших души сатане неустойчив (утопленники, опойцы, колдуны), а третьи вовсе мо-

гут считаться безгрешными и «спасенными» (младенцы и убитые громом). Данная неоднородность категории «заложных» покойников находит свое полное отражение в выборе мест их захоронения: проявляется общая тенденция хоронить наименее вредных в пределах дома или на кладбище возле всей родни, а наиболее опасных — в природном пространстве, иногда даже вне досягаемости человека. Таким образом, мнение народа о ритуальной «чистоте» или «нечистоте» умершего подкрепляется выбором «чистого» или «нечистого» места для его захоронения. В доме, самом сакральном и «чистом» локусе, преимущественно погребались дети, они же чаще других находили свой последний приют на освященной земле кладбища возле своих родных; другие «заложные» если и допускались на погост, то только в специально отведенном для них периферийном месте вблизи ограды; остальные погребались в природном пространстве, которое также проявляло свою аксиологическую неоднородность — в мокрых, болотистых местах, на скотских кладбищах и на повсеместно негативно осмысляемых границах, перекрестках хоронили самых зловредных представителей категории «нечистых» покойников — висельников. Однако именно в сфере аксиологии ярко проявляется амбивалентность традиционной культуры: одни и те же места могут получать и положительную, и резко отрицательную характеристику; то же относится к осмыслению границ — зачастую подвижных и размытых — двух разных, осмысляемых диаметрально противоположно групп умерших.

Литература

- Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Білий 1926 — *Білий В.* До звичаю кидати гілки на могили «заложних» мерців // *Етнографічний вісник*. Київ, 1926. Кн. 3. С. 82—94.
- Виноградова 2008 — *Виноградова Л. Н.* Об одном демонологическом мотиве: «ведьма ездит верхом не человеку» // *Живая старина*. М., 2008. № 4. С. 16—19.
- Гавораць чарнобыльцы 1994 — *Гавораць чарнобыльцы* (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі). Мінск, 1994.
- Зеленин 1994 — *Зеленин Д. К.* К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // *Избранные статьи по духовной культуре 1901—1913*. М., 1994. С. 230—298.
- Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
- Кабакова 1994 — *Кабакова Г. И.* Дети, умершие до крещения // *Проблемы сучасної ареалогії*. К., 1994. С. 312—317.
- Конобродська 2007 — *Конобродська В. Л.* Поліський поховальний і поминальні обряди. Житомир, 2007.
- Логинов 1993 — *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Нидерле 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова. М., 1956.
- ППГ — Пахаванні, памінкі, галашэнні / рэд. кал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1986.
- Седакова 1979 — *Седакова О. А.* Поминальные дни и ст. Д. К. Зеленина «Древнерусский языческий культ «заложных» покойников» // *Проблемы славянской этнографии*. Л., 1979. С. 123—130.
- Смоленский сборник 2003 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М., 2003. Т. 2.
- Толстые 2003 — *Толстые С. М. и М. Н.* Погребения в саду у «горюнов» Сумской области // *Живая старина*. М., 2003. № 2. С. 10—13.
- Spiss 2002 — *Spiss A.* Wiejskie cmentarze w Polsce // *Śmierć — przestrzeń — czas — tożsamość w Europie środkowej około 1900*. Kraków, 2002.

Сокращения

АА — Архангельский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва).

ПА — Полесский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва).

ПМА — Полевые материалы М. А. Андруониной.

Summary. *The article discusses differences between two types of dead and appropriate places for their inhumation. Righteous, “clean” dead are buried in sacred earth of cemetery, although sometimes in the domestic grounds. “Unclean” dead are mostly buried in boundaries of cemeteries, but more traditional places for them are crossroads, forests, hills, banks of lakes and rivers etc.*

Key words: *funeral, cemetery, soul, good, bad.* 129

Таблица: Места захоронения «нечистых» покойников в Полесье
(по материалам Полесского архива Института славяноведения РАН)

Населенный пункт (с вост. на запад)	Сфера домашнего	Кладбище	Периферия кладбища	Сфера природы
1	2	3	4	5
Челхов, климов., брян.		<i>Висельник, самоубийца, утопленник, опойца</i>	<i>Дети неkreц., самоубийцы — вост. сторона; висельник — левая сторона</i>	
Доброводье, сев., брян.	<i>Дети неkreц. — под святым углом дома</i>	<i>Знахарь, опойца*</i>	<i>Висельник, самоубийца — во рву</i>	<i>Висельник, самоубийца — перекресток</i>
Плехов, чернигов, чернигов.	<i>Дети неkreц. — в саду</i>	<i>Опойца, колдун</i>	<i>Самоубийца, утопленник, висельник — у канавы</i>	
Ковчин, куликов., чернигов.			<i>Дети неkreц.</i>	<i>Дети неkreц. — на перекрестке</i>
Макишин, городнян., чернигов.	<i>Дети неkreц. — в огороде, под порогом</i>	<i>Опойца, ведьма</i>	<i>Самоубийца, ведьма — в углу</i>	<i>Самоубийца, висельник — в поле, на перекрестке; утопленник — на горе над лугом, посадили грушу; убитый — на месте гибели</i>
Мошенка, городнян., чернигов.	<i>Дети неkreц. — под порогом, в огороде, под яблокней</i>		<i>Висельник — за кладб.</i>	<i>Висельник* — на дороге; утопленник, самоубийца</i>
Хоробичи, городнян., чернигов.			Нечистые покойн., <i>дети неkreц.</i>	Нечистые покойн. — перекресток
Олбин, козелец., чернигов.	<i>Дети неkreц. — в саду под деревом, под порогом</i>	<i>Утопленник</i>	<i>Висельник — в углу</i>	<i>Висельник — перекресток</i>
Присно, ветков., гомел.		<i>Утопленник</i>	<i>Дети неkreц., самоубийцы, висельник</i>	
Верхние Жары, брагин., гомел.		<i>Дети неkreц. — возле родни</i>	<i>Висельник, утопленник</i>	

1	2	3	4	5
Великий Бор, хойниц., гомел.		<i>Дети неkreц., утопленник, самоубийца, опойца, колдун.</i>	<i>Висельник — в райчуках</i>	
Золотуха, калинкович., гомел.		<i>Дети неkreц.†, висельник†</i>		
Малые Автюки, калинкович., гомел.		<i>Дети неkreц.</i>	<i>Самоубийца — за оградой</i>	<i>Убитые зромом — на месте гибели, в осиннике</i>
Барбаров, мозыр., гомел.			<i>Утопленник, висельник, дети неkreц. — возле кладб.</i>	
Махновичи, мозыр., гомел.			<i>Самоубийца — за забором£</i>	
Грабовка, мозыр., гомел.		<i>Самоубийца, опойца</i>	<i>Дети неkreц.*, самоубийца</i>	
Жаховичи, мозыр., гомел.		<i>Утопленник†, висельник†, дети неkreц.</i>	<i>Утопленник</i>	<i>Висельник£ — на расходных дорогах, в кустах</i>
Стодоличи, лельчиц., гомел.		<i>Утопленник†, дети неkreц.</i>	<i>Висельник†</i>	<i>Висельник£, убитый — место смерти, лес</i>
Замошье, лельчиц., гомел.		<i>Дети неkreц., убитые зромом, утопленник†, висельник†</i>	<i>Утопленник, висельник — в углу</i>	<i>Висельник£ — на месте гибели</i>
Ручаевка, лоев., гомел.		<i>Дети неkreц.†, утопленник, висельник</i>	<i>Дети неkreц.</i>	
Дяковичи, житкович., гомел.			<i>Дети неkreц. — в углу на за-паде; висельник, утопленник, колдун</i>	
Д. Новокузнецкая, лоев., гомел.			<i>Дети неkreц.</i>	
Копачи, чернобыл., клеv.	<i>Висельник, утопленник — под сараем, хлевом, на дворе</i>		<i>Дети и др. нечистые — в лю-бом углу</i>	
Вышевичи, радомышл., жи-томир.		<i>Утопленник, дети неkreц.*</i>		<i>Висельник£*, утопленник — перекресток, поле</i>

1	2	3	4	5
Журба, овруч., житомир.		<i>Колдун</i>	<i>Дети некрещ[†].</i> — возле ограды с левой стороны; <i>утопленник[†]</i> — возле ограды	<i>Висельник</i> — перекресток
Вознич, овруч., житомир.			<i>Утопленник, висельник, дети</i>	<i>Висельник</i> — перекресток
Выступовичи, овруч., житомир.			<i>Дети некрещ., самоубийца^{†*}, висельник^{†*}</i>	<i>Висельник</i> — перекресток
Тхорин, овруч., житомир.			<i>Утопленник[†], висельник[†]</i> — за кладб., <i>самоубийца[†]</i> — в углу кладб.	<i>Самоубийца, висельник</i> — место гибели, перекресток, граница, межа. <i>Захарка</i>
Червона Волока, дугин., житомир.		Все нечистые покойн., <i>дети некрещ.*</i>	<i>Висельник</i>	<i>Висельник</i> — перекресток, лес
Полесское, коростен., житомир.		<i>Дети некрещ, утопленник</i>		
Перга, олев., житомир.		Все нечистые покойники		
Курчица, новоград-волын., житомир.		<i>Колдун</i>	<i>Дети некрещ.*, висельник, утопленник</i> — в углу на востоке, за оградой	<i>Убитыегромом</i> — перекресток
Боровое, рокити, ровен.			<i>Утопленник, висельник, колдун, иноверец</i> — возле кладб., <i>дети некрещ.*</i> — с краю кладб.	<i>Висельник</i> — в лесу
Чудель, сарнен., ровен.		<i>Утопленник, пьяница, колдун</i>	<i>Дети некрещ.</i>	<i>Висельник^{£*}</i> — граница, межа, перекресток
Любязь, любешов., волын.			<i>Дети некрещ., ост. нечистые</i>	
Щедрогор, ратнов., волын.		<i>Утопленник</i>	<i>Висельник*, утопленник</i>	<i>Висельник*, утопленник*</i> — на горе
Радчицк, столин., брест.		<i>Утопленник</i>	<i>Дети некрещ., висельник</i> — возле забора	
Велута, лунинец., брест.		Нечистые покойники	<i>Дети некрещ, нечистые покойники</i> — за забором	

1	2	3	4	5
Ласицк, пинск., брест.			<i>Утопленник, висельник</i> — за кладб.	
Кончицы, пин., брест.			<i>Висельник, утопленник, дети неkreцц.</i> — под забором	
Спорово, березов., брест.		<i>Утопленник, колдун</i>	<i>Дети неkreцц, висельник</i>	
Оброво, ивацевич., брест.		<i>Утопленник, оюйца, колдун</i>	<i>Дети неkreцц.* висельник*, самюубийца*</i> — возле ограды	
Нобель, заречнен., ровен.		<i>Дети неkreцц.*</i>	<i>Утопленник, дети неkreцц., убийца, самюубийца</i> — за оградой	
Онискювичи, кобрин., брест.		<i>Утопленник, убитые громом, дети неkreцц, колдун</i>	<i>Висельник</i>	
Дубины, кобрин., брест.		<i>Убитые громом</i>		
Бельск, кобрин., брест.			<i>Колдун, дети неkreцц., утопленник*, самюубийца*, висельник*</i> — около рва	
Мокраны, малориг., брест.		Все ост. нечистые	<i>Висельник</i> — на западе от кладб.	
Заболоть, брест., брест.			<i>Висельник*, дети неkreцц.*, выкидыш</i> — за оградой	<i>Дети неkreцц, иноверцы</i>
Радеж, малориг., брест.		<i>Утопленник</i>	<i>Дети неkreцц.</i> — возле ограды	<i>Висельник</i> — в лесу на границе, на просеке, под выворотнем, на перекрестке
Олтуш, малориг., брест.		<i>Утопленник, оюйца, колдун</i>	<i>Дети неkreцц.*</i> — за оградой	<i>Висельник£</i> — место смерти, перекресток; <i>самюубийца</i>
Тухювичи, ляхович., брест.		<i>Дети неkreцц.</i>	Нечистые покойники	

* редукция погребального обряда для отмеченных групп покойников (без креста, без священника и пр.)

† не исконное место погребения для данной группы покойников, недавнее изменение места

£ обычай бросания веток на могилу «заложного»